

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ. —

30 МАЯ.

№ 22

1910 ГОДА.

**Краткій обзоръ жизни, дѣятельности и поведе-
нія пастырей церкви въ годы „освободительнаго
движенія“ и современныя требованія къ нимъ
для возрожденія и укрѣпленія Православной
вѣры въ народѣ.**

Прежде чѣмъ дать краткій безпристрастный обзоръ жи-
зни, дѣятельности и поведенія пастырей церкви съ приве-
деніемъ нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ, въ черную го-
дину, въ разгаръ освободительнаго движенія, считаемъ не
лишнимъ предложить нѣсколько вопросовъ, чтобы нагляд-
нѣй и вѣрнѣй показать, насколько справедливы чуть нео-
гульные обвиненія, предъявляемыя къ пастырямъ церкви.

Обвиняютъ ли пожарную команду въ томъ, что случил-
ся пожаръ? Обвиняютъ ли врачей въ томъ, что въ томъ
или другомъ мѣстѣ появилась эпидемія: тифъ, холера и проч.?
Обвиняютъ ли капитана, что на морѣ разыгрался штормъ,
или на океанѣ пронесся ураганъ? И всегда ли и на сколь-

ко виноваты бывают начальники тѣхъ или другихъ заведеній, учреждений въ бунтѣ своихъ подчиненныхъ и прочіе, проч.

Обвиняютъ пожарную команду за ея неисправность, малодѣятельность во время тушенія пожара, но развѣ справедливы обвиненія, когда разбушуется природная стихія, а пожарная команда, изъ силъ выбивается, чтобы прекратить бѣдствіе, но при всемъ искусствѣ, исправности инструментовъ, напряженій силъ, ничего не можетъ подѣлать. Безразсудно обвинять врача, когда онъ ни дая, ни ночи, не знаетъ покоя, развѣзжая по больнымъ, работаетъ до изнеможенія силъ, но, при всемъ желаніи и искусствѣ, не можетъ иногда, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, умѣрить, утушить роста эпидеміи. Справедливаго обвиненія заслуживаетъ только тотъ капитанъ, который по своей недальновидности, лѣни или халатности, не принялъ надлежащихъ мѣръ предосторожности, при приближающейся грозящей опасности. Не всегда бываютъ виноваты начальники тѣхъ или другихъ заведеній, учреждений и проч. въ бунтѣ подчиненныхъ, бунтѣ вѣдь тоже, что и пожаръ; достаточно одной искры, самой пустой причины, брошеннаго слова и готово пламя. А впрочемъ всюду и вездѣ возможны недочеты, недосмотры, ошибки, возможны они и въ жизни и дѣятельности пастырей церкви.

Правда, пастыри церкви должны стоять выше всѣхъ другихъ по своему званью, а потому предъявляемая къ нимъ требованія должны быть строже, но въ тоже время и обвиненія ихъ должны быть основаны исключительно на правдѣ, а не придуманы и не представлять изъ себя одну клевету, инсинуацію. Ложь и клевета вообще постыдны, а на пастырей усугубо грѣховны. Мы не будемъ перечислять всѣхъ тѣхъ обвиненій, которыя крупнымъ градомъ сыпались на бѣдное духовенство и справа, и слѣва, и съ

центра, и сверху, и снизу; для этого нужно было бы испи- сать цѣлые вороха бумаги, но что пастыри церкви, безъ преувеличенія скажу, стояли на горящихъ угольяхъ, окру- женные со всѣхъ сторонъ яркимъ пламенемъ, это истина. И въ тоже время едва ли найдется другое—какое-либо со- словіе, которое, будучи само гонимо, тѣснимо со всѣхъ сто- ронъ, при самыхъ невозможныхъ условіяхъ жизни, находи- дило бы въ себѣ мужество, мощь, силу защищать, обере- гать общіе интересы всѣхъ другихъ сословій, сдерживать волну, которая готова была поглотить, смыть всѣхъ и все вмѣстѣ съ самими защитниками.—А мысль, какъ не толь- ко сохранить во всей чистотѣ и неприкосновенности вѣру православную среди своихъ пасомыхъ, но и возрѣвать, на- сажать, поддерживать, укрѣплять, ограждать, давила мозгъ всякаго пастыря церкви, не давала ему покоя, всюду и вездѣ преслѣдовала его, была его постоянной, неотлучной спутницей?

Нельзя отрицать того факта, что нѣкоторые пастыри церкви, увлеклись радужнымъ, блестящимъ будущимъ, широ- ковѣщательными обѣщаніями, отдали себя въ полную власть общественнаго теченія, нисколько не замѣчая, не подозрѣвая бѣдствій и вреда, причиняемыхъ имъ вѣрѣ Православной, Церкви Христовой, такъ что нѣкоторые изъ таковыхъ, какъ извѣстно, вступали даже въ ряды освободительнаго движе- нія и дѣлались активными его дѣятелями.

Весьма, впрочемъ немногіе,—запуганные, застрашенные наказомъ, предостереженіями социаль-революціонеровъ и дру- гихъ лѣвыхъ партій по преимуществу по адресу духовенства и вообще, что, если кто не сочувствуетъ освободительному движенію, не желаетъ принять активнаго участія въ немъ, тотъ, по крайней мѣрѣ, не долженъ мѣшать ему, иначе то- му не сдобровать, а главное обремененные многочисленнымъ

семействомъ, вопиющей нуждой, безвыходнымъ положеніемъ, — вынуждены были покориться своей участи — молчать.

Другіе, въ противоположность послѣднимъ, вдалились въ нѣкоторую крайность, принявъ предостереженіе за вызовъ, и, какъ бы задѣтые тѣмъ за живое, дали полную волю и свободу своимъ обличительнымъ рѣчамъ и съ церковной кафедрой и въ частныхъ бесѣдахъ. Дѣятельность такихъ пастырей церкви вышла бы почтенной, если бы не суровый — односторонній тонъ холоднаго, угрожающаго, исключительно обличительнаго характера въ ихъ дѣйствіяхъ, рѣчахъ и проповѣдяхъ.

подавляющее большинство пастырей церкви отнеслись къ освободительному движенію гораздо сдержаннѣй, умѣреннѣй, благоразумнѣй. Они первѣе всего старались проникнуть, понять, изучить сущность щедрою рукою сѣмыхъ агитаторами социалистическихъ идей и не столько съ церковной кафедрой, сколько въ частныхъ бесѣдахъ старались уяснить, раскрыть полную несостоятельность навязываемыхъ простолудинамъ прихожанамъ ученій, предостерегая ихъ отъ несбыточныхъ обѣщаній земли, воли и всяческихъ льготъ и свободъ.

Но не молчалъ насколько намъ извѣстно, ни одинъ пастырь церкви, за весьма и весьма, быть можетъ, рѣдкимъ исключеніемъ и съ церковной кафедрой, когда волненіе въ приходѣ принимало слишкомъ острый угрожающій характеръ, достигало апогея — кульминаціонной точки, когда извѣстныя мѣры и средства: грабежи, поджоги, убійства пускались въ ходъ.

Вотъ что, между прочимъ, передавалъ намъ нашъ собратъ, который едва не лишился своего имущества отъ поджога и жизнь котораго спасъ Самъ Богъ отъ угрожавшей ему опасности, — это, замѣтимъ, неисключительный случай.

— „Я не то, чтобы зяблый врагъ освободительнаго движенія“, началъ свой разсказъ нашъ съобратъ, „я искренно желаю улучшенія, процвѣтанія дорогой родины, но мнѣ всегда претила и претить чейскренность, наглая ложь, клевета и самая, ни на чемъ неоснованная площадная, отборная брань, которая рѣвкой льется съ зловонныхъ устъ тупоголоваго шалапая агитатора и деревенскаго краснопая „арателя“. И если мнѣ приходилось сталкиваться съ таковымъ субъектомъ, у котораго своего ровно ничего нѣтъ, и который говорить съ чужого голоса, то я всегда сдержанно и степенно открывалъ ему его карты и выводилъ его на свѣжую, чистую воду и по большей части онъ уходилъ отъ меня, или вѣрнѣе убѣгалъ, униженнымъ, пристыженнымъ и, само собою разумѣется, терялъ престижъ и авторитетъ у довѣрчиво развѣшивавшихъ уши моихъ простаковъ-прихожанъ, которымъ онъ сулилъ чуть не золотыя горы и рѣки съ кисельными берегами. Иногда, впрочемъ, появлялись и настоящіе лидеры, о которыхъ я, къ сожалѣнію, узнавалъ всегда послѣ, собирали гдѣ-либо за сѣломъ, у опушки лѣса, ночью порою слушателей и произносили возбуждательныя, зажигательныя рѣчи, послѣ чего всякій разъ чувствовалось, замѣчалось повышенное настроеніе, готовое, при всякой малѣйшей искрѣ, перейти въ настоящее возстаніе. И тогда приходилось выступать съ словомъ вѣчной истины съ церковной кафедрѣ, чтобы ослабить, парализовать воздѣйствіе лидеровъ на общее настроеніе. Послѣ одного изъ такихъ словъ, рѣшался вопросъ среди доморопленныхъ социаль-революціонеровъ о поджогахъ моего хлѣба и имущества, о чемъ я достовѣрно узналъ прошедшимъ великимъ постомъ, но общая любовь всего населенія, не успѣвшая окончательно погаснуть и среди самыхъ лѣвыхъ, рѣшили вопросъ въ мою пользу и имущество мое уцѣлѣло. Въ другой разъ когда въ моемъ приходѣ произошли два—три покушенія на жизнь че-

ловка, съ однимъ несчастнымъ исходомъ, участились поджоги хлѣба, я выступилъ съ церковной кафедры на сей разъ съ болѣе пространнѣмъ, вполне обоснованнымъ, продуманнымъ поученіемъ, избравъ самый подходящій для сего день престольнаго праздника, когда храмъ былъ переполненъ народомъ, когда почти весь приходъ былъ на лицо, поученіе было написано не столько въ обличительномъ, сколько больше въ умиротворительномъ духѣ, такъ что даже умѣреннѣвымъ пришлось до душѣ, но на крайнихъ лѣвѣхъ произвело потрясающее воздѣйствіе, такъ что одинъ изъ нихъ на другой день въ одномъ домѣ мелкаго торговца жестоко разнесилъ меня и съ клятвою угрожалъ расчитаться со мною. Дѣйствительно ли онъ, или кто другой, (первый вскорѣ былъ взятъ въ военную службу), для меня и до сего дня осталось тайной, только спустя два мѣсяца, передавала мнѣ одна интеллигентная женщина, заслуживающая полнаго довѣрія, что одинъ неизвѣстный въ одинъ вечеръ, когда я ходилъ въ храмъ окрестить младенца, долго поджидалъ меня съ револьверомъ и холоднымъ оружіемъ въ рукахъ съ намѣреніемъ лишить меня жизни. „Долго, какъ потомъ этотъ неизвѣстный рассказывалъ на сторонѣ, (по сообщенію той же женщины), я поджидалъ его на возвратномъ пути, такъ мнѣ думается до полуночи, видѣлъ какъ онъ (т. е. я) шелъ по дорогѣ въ храмъ, но гдѣ онъ затѣмъ прошелъ отсюда, куда дѣвался, я не видалъ, да такъ и не дождался“. Я ясно припоминаю этотъ день и случай. Всегда и во всякое время дня и ночи я ходилъ въ храмъ безъ провожатыхъ, но на этотъ разъ я почему-то (?) взялъ съ собою церковнаго сторожа проводить меня? И вѣроятно неизвѣстный, поджидавшій меня, въ темнотѣ не рассмотрѣлъ меня и принялъ насъ за двухъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что сторожъ шелъ рядомъ со мною по ту сторону, гдѣ засѣлъ неизвѣстный. И такъ непреложно слово Владыки, что безъ воли

«Отца небеснаго и волосъ съ головы нашей не падаетъ». ЗаклЮчить свой разсказъ нашъ собрать.

Но дѣло не въ самооправданіи, не въ защитѣ и не въ томъ, въ какой мѣрѣ и степени пострадалъ тотъ или другой корабль — приходъ — во время бури урагана, не о томъ теперь рѣчь, какъ дѣйствовали, поступали, какія мѣры и средства примѣняли, чтобы спасти свое судно отъ гибели тотъ или другой капитанъ кормчій священникъ, все это лишь можетъ пригодиться на будущее время, теперь же все вниманіе, всѣ силы, всѣ наилучшія мѣры и средства должны быть направлены и сосредоточены, выражаясь словообразно, на починку, перестройку, на приведеніе прихода въ болѣе совершенный видъ. Въдь всякій капитанъ и хорошій и плохой, послѣ морской бури, спѣшитъ въ ближайшей рейдъ, чтобы исправить и привести свое судно, если не въ лучшій, то по крайней мѣрѣ въ надлежащій прежній видъ, и ни одинъ капитанъ, не исправивъ всѣхъ поврежденій въ своемъ кораблѣ, не рискнетъ выйти въ открытое море. Это истина, которую долженъ имѣть въ виду и всякій пастырь церкви. А потому каждый изъ насъ не только долженъ всесторонне обследовать, осмотрѣть всѣ поврежденія, причиненныя его прихожанами освободителями, приложить все свое разумѣніе и стараніе къ исправленію, но и по возможности долженъ заняться перестройкой, приведеніемъ церковно-приходской жизни въ болѣе совершенный видъ.

Правда, въ послѣднемъ случаѣ подавляющее большинство пастырей церкви возлагаетъ свои надежды на будущій Всероссійскій Соборъ, который преподастъ руководящія правила, укажетъ путь, коимъ долженъ слѣдовать пастырь къ возрожденію церковно-приходской жизни. Но всѣ законоположенія хороши только въ томъ случаѣ и тогда воспримутся, войдутъ въ жизнь и произведутъ желанное воздѣйствіе на нее, когда будетъ подготовлена, воздѣлана почва для нихъ. Но-

всѣ винное вливають въ старыя мѣхи, вливають новое вино въ мѣхи новыя, только тогда то и другое сохранится. Въ какой уборъ не наряжайте закоренѣлаго пьяницу, его тѣмъ не отучишь отъ пагубнаго порока, какіе совершенныя законы не придумывайте и не примѣняйте къ преступнику, его не исправишь, — азбучная истина. Какое можетъ дѣйствіе произвести на извѣрившагося интеллигента Всероссійскій Соборъ?

Итакъ, съ очевидною ясностью слѣдуетъ, что всякій пастыръ въ частности и все духовенство вообще, прежде чѣмъ возлагать свои надежды на Всероссійскій Соборъ, на новыя законоположенія, должно озаботиться и серьезно позадуматься надъ подготовкой, воздѣлываніемъ почвы, очистить ее отъ бурьяна, крапивы, полыни, улеветъ и другихъ прочихъ сорныхъ травъ, ибо не можетъ же расти и свободно развиваться кипарисъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ засѣли драгія и мурсини, гдѣ растеть крапива.

А что дѣйствительно простолоудины, подъ давленіемъ освободительнаго движенія стали относиться къ дѣламъ вѣры и уставамъ Св. Церкви, не только болѣе сознательно, вдумчиво, пытливо, но нѣкоторые и критически, иронически и даже кощунственно, это истина. Для иллюстраціи и подтвержденія послѣдняго приведу фактъ изъ недавней личной практики.

Умеръ въ моемъ приходѣ осенью прошлаго (07 г.) старикъ 75 лѣтъ отъ роду Евѣимъ Р., прадѣдъ его, къ слову замѣчу, Иоакимъ былъ однимъ и главнымъ старателемъ и ходякомъ предъ Епархіальнымъ Начальствомъ, по постройкѣ нашего настоящаго храма въ 1806 году, что значитъ въ храмозданной грамотѣ, челоуѣкъ онъ, Евѣимъ, былъ набожный, благочестивый, усердный къ посѣщенію храма Божія, совершенно трезвый и въ высшей степени трудолюбивый.

вый, такъ что я всегда ставилъ его въ примѣръ своимъ лѣнвымъ прихожанамъ.

Достаточно сказать, что этотъ, блаженной памяти старикъ, и послѣднее лѣто 07 г. въ своей жизни, работалъ не покладая рукъ, нисколько не уступая и даже превосходя молодыя силы, при всѣхъ видахъ крестьянскихъ тяжелыхъ работахъ: косьбѣ, молотьбѣ и проч. Старикъ этотъ еще при жизни своей, заблаговременно озаботился служеніемъ сорокоуста по себѣ. (У насъ между прочимъ многіе благочестивые вносятъ—вкладъ въ церковь на сорокоустное поминовеніе по себѣ при жизни). Когда ему исполнилось 40 дней со дня его смерти, я, по обычаю, по окончаніи божественной литургіи и отправленіи литіи на кладбищѣ на его могилѣ, отправился въ его домъ, чтобы и тамъ отслужить литію о упокоеніи его души, или по мѣстному простонародному проводить „душку“. По окончаніи литіи въ домѣ и за воротами, насъ съ причтомъ пригласили на поминальную трапезу. И лишь мы, по молитвѣ и благословеніи, возсѣли за столъ, какъ внукъ умершаго молодой мужикъ 23—4-хъ лѣтъ, принадлежащій къ социаль-революціонной партіи, обратившись ко мнѣ сказалъ:— „итакъ, батюшка, значить мой дѣдушка теперь въ царствіе небесное попалъ,—прямо въ рай значить, онъ былъ богатый, по немъ служился сорокоустъ, а вотъ сосѣдь умершій N, человекъ былъ бѣдный, сорокоуста по немъ не было, онъ значить въ адъ, за деньги значить можно купить рай, а безъ денегъ полѣзай прямо въ адъ, вѣдь это такъ, батюшка, по вашему—по духовному?“ Все это произнесено было имъ съ саркастической улыбкой, въ ироническомъ духѣ, съ гордой осанкой и внушительными посматриваніями по сторонамъ на собравшійся народъ.

Ну, не совсѣмъ такъ. Что твой дѣдушка нужно думать и надѣяться наследуетъ царствіе небесное, это вѣрно ибо онъ былъ человекъ, насколько я знаю, глубоко-

вѣрующій, благочестивый, любилъ Бога, посѣщалъ его лице—храмъ, строго блюлъ уставы Св. Церкви, удостоился христіанской нѣнестыдной кончины и мало того, онъ еще при жизни, сознавалъ себя великимъ грѣшникомъ, свое недостоинство, ни сколько, по своему смиренію, не надѣясь на свое оправданіе предъ Богомъ и, вѣруя въ силу молитвъ Св. Церкви и особенно въ великую пользу совершенія и принесенія безкровной жертвы—божественной литургіи, озабоченъ своею современно о томъ, чтобы о немъ, послѣ его смерти, усиленно молилась Св. Церковь о прощеніи его согрѣшеній въ продолженіе сорока дней, когда его душа, по вѣрованію Св. Церкви, должна предварительно пройти 20 мытарствъ, чтобы затѣмъ въ настоящей 40 день предстать предъ Лицемъ, Грознаго для грѣшниковъ и Милостиваго для праведниковъ, Судии всѣхъ, нелицепріятнаго Бога, для рѣшенія и опредѣленія участи его души. Равно какъ и упомянутый тобою сосѣдъ—бѣднякъ былъ человекъ также вѣрующій, и также удостоился христіанскаго напутствованія, и о немъ нужно думать, что и онъ не лишится своей мзды—награды на небеси. Спаситель говорилъ, что кто изъ васъ подастъ чашу студеной воды и тотъ не лишится награды своею на небеси, Онъ же въ другомъ мѣстѣ говорилъ, что въ дому Отца моего Небеснаго обителей много. И я полагаю, что упомянутый бѣднякъ, какъ вѣрующій, также бы заказалъ по себѣ сорокоусть, если бы имѣлъ на то средства, хотя о немъ молится сама Св. Церковь, какъ вообще о всѣхъ умершихъ.

И вотъ почему онъ заказалъ бы сорокоусть,—что какъ догадываюсь я, и какъ видно изъ твоихъ словъ, тебя особенно смущаетъ.

Всякій земнородный старается о томъ, чтобы жить ему первѣе въ достаткѣ, чтобы его затѣмъ уважали, почитали и любили, это вѣдь естественно всѣмъ живущимъ на землѣ.

Вотъ и, такъ назыв., социалисты стараются, или по крайней мѣрѣ даютъ посулы крестьянамъ о надѣленіи ихъ землей, чтобы улучшить ихъ благосостояніе. Такъ вѣдь? обратился я къ своему совопроснику. — „Такъ“, замѣтно оживившись, обрадовался тотъ. Дѣло хорошее и законное заботиться о нуждахъ своихъ ближнихъ, если оно исходитъ изъ чистыхъ побужденій; но вотъ что между прочимъ, замѣчу я, мнѣ не нравится мѣры и средства насилія, примѣняемыя ими въ достиженіи предназначенной цѣли, да и не по христіански это. Спаситель богатому юношѣ сказалъ, если желаешь быть совершеннымъ и получить высшую награду на небеси, иди продай свое имѣніе, раздай нищимъ и слѣдуй за мной, но Онъ не говорилъ нищимъ, идите къ богатому и разграбьте его имѣніе, наоборотъ, Онъ сказалъ, что взявшіе мечъ, отъ меча и погнбнуть. Итакъ, если всякому человѣку свойственно здѣсь на землѣ думать и заботиться объ улучшеніи своей жизни, то почему же истинно-вѣрующему преступно и непозволительно думать и заботиться о лучшей участи въ жизни загробной? Я думаю, что всякій истинно-вѣрующій, пламенѣющей любовію къ Богу не только заботится о томъ, чтобы по смерти, оправдаться предъ Господомъ, но и желалъ бы получить высшую награду на небѣ, занять лучшую обитель и стать ближе къ Богу. Такъ я говорю? снова обратился я къ нему. — Изъ словъ вашихъ слѣдуетъ что такъ“. Черезъ небольшой промежутокъ времени тотъ же крестьянинъ сказалъ мнѣ: — „Я, батюшка, желалъ бы вамъ задать и еще много вопросовъ“. Такъ въ чемъ дѣло, сдѣлай такое одолженіе, я всегда радъ подѣлиться со всѣми своими знаніями, своимъ опытомъ. — „Да вотъ народу тутъ слишкомъ много, — неудобно“. Наоборотъ, тѣмъ лучше, я тебѣ, по силѣ возможности, дамъ отвѣты на волнующіе тебя вопросы, а народъ выслушаетъ мои разъясненія и быть можетъ извлечетъ для себя какую-либо пользу, такимъ образомъ и выйдетъ,

что польза получится для всѣхъ. — Нѣтъ неудобно “ твердо заявилъ онъ. Напрасно, напрасно, вѣрь мнѣ, что мнѣ очень жаль тебя, я знаю, что у тебя дѣйствительно очень много гнѣздится и возникаетъ вопросовъ вслѣдствіе многого навязаннаго, нахватаннаго тобою по большей части отрицательнаго знанія отъ различныхъ, мнимыхъ радѣтелей о крестьянахъ, наставниковъ и учителей; но помни, что знаніе только тогда полезно, когда оно не идетъ въ разрѣзъ съ здравымъ разсудкомъ и притомъ, когда оно воспринимается умѣренно, постепенно, а не сразу въ массѣ, безъ всякаго разбора и какъ попало. Только въ умѣренномъ количествѣ, принятомъ нашимъ желудкомъ, пища приноситъ нашему тѣлу пользу, безъ разбору же принятая нами пища, хотя бы то и хорошаго достоинства и высшаго качества, да еще въ чрезмѣрномъ количествѣ, по меньшей мѣрѣ и въ лучшемъ исходѣ производитъ разстройство желудка, въ худшемъ же — можетъ вызвать острое воспаленіе, мучительныя боли и даже смерть. Тоже должно сказать и относительно головы нашей. Знанія безъ всякаго смысла, порядка, разбора, механически заученныя, или воспринятія безъ всякой провѣрки и усвоенія, производятъ въ нашей головѣ сумбуръ, хаосъ, или что тоже разстройство, и не столько могутъ намъ принести пользы, сколько больше вреда. И вотъ если ты стѣсняешься народа, то ты хорошо знаешь, что мой домъ открытъ всегда и во всякое время и для всѣхъ и я всегда готовъ оказать всѣмъ и каждому ту, или другую, услугу.

А какому пастырю церкви не приходилось слышать кощунственныхъ, полныхъ издѣвательства, розказней о нетлѣнныхъ мощахъ св. Угодниковъ Божіихъ? Извѣстно вѣдь, что соціалы-революціонеры и прочіе мнимые печальники о народномъ благѣ, не признаютъ нетлѣнныхъ свят. мощей и пропагандируютъ среди простолюдянъ, что никакихъ мощей нѣтъ, что вмѣсто нихъ лежатъ восковыя фигуры, выдѣвлен-

ныя монахами, чтобы дурачить народъ, и обирать съ него деньги. Я хорошо освѣдомленъ о томъ, что мои прихожанки-простолюдинки, когда ходятъ въ Кіевъ на поклоненіе, основательно осязаютъ мощи св. Угодниковъ Божіихъ.

Я слышалъ достовѣрно, какъ одному струхнувшему изъ бывшихъ социаль революціонеровъ и бѣжавшему отъ преслѣдованія полиціи въ Новый Аeonъ, поручено было выспросить у тамошнихъ монаховъ, почему тамъ нѣтъ св. мощей? А не слышалъ ли кто еще большаго кощунства, относительно таинства самаго св. причащенія?— „А что это за причастіе“?

Разсказываетъ народу нечесанный, невѣжа, лядащій мужиченка.— „Накрошить погъ булки въ вино, да еще прикроетъ, нихай молъ закиснетъ, вотъ тебѣ и причастіе“. — „А кто продалъ Христа-то, братцы, Первосвященники и попы“? резонерствуетъ другой. Ну да всего не перескажешь, думается, и сказаннаго вполне достаточно, чтобы серьезно позадуматься надъ угрожающей опасностью Св. Церкви и вѣрѣ православной и той пропастью, до которой можно дойти, если своевременно не будутъ приняты мѣры къ пресѣченію зла и излѣченію чуть ли не общераспространеннаго недуга, современной болѣзни.

Но что же дѣлать, чтобы спасти паству отъ гибели, чтобы возродить, укрѣпить пошатнувшуюся вѣру въ народѣ, успокоить смущенную душу, мятущуюся его совѣсть?

Да слѣдуетъ отбросить холодность, равнодушіе, апатичность, теплохладность, индифферентность, не смотрѣть сквозь пальцы на всѣ уродливыя явленія современной жизни самихъ пасомыхъ, быть болѣе внимательными къ себѣ; приложить усердіе и трудъ къ исполненію и отправленію своихъ пастырскихъ обязанностей, примѣромъ чему могутъ служить болѣе ревностные и усердные, ревнующіе о Славіи Божіей и спасеніи душъ своихъ пасомыхъ, пастыри церкви.

Да гдѣ жъ, быть можетъ, кто спросить, такіе пастыри? Да всюду и вездѣ имѣются таковыя и не въ маломъ количествѣ, слѣдуетъ только повнимательнѣй присмотрѣться къ нимъ. Правда они, повидимому, ничѣмъ не отличаются отъ всѣхъ прочихъ. Но они серьезно относятся къ отправленію своихъ обязанностей и творять дѣло болѣе съ радостью, а невоздыкающе. Итакъ, гдѣ другіе видятъ мелочь, пустякъ, которымъ ровно не придаютъ никакого значенія, не обращаютъ должнаго вниманія, то въ глазахъ серьезно относящагося ко всему и всѣмъ пастыря церкви имѣетъ извѣстную цѣну.

Да и точно, на что въ недавнее доброе старое время ровно не обращалось вниманіе, даже часто пороки не составлялись въ вину пастырю, то въ настоящее время—время вдумчиваго, пытливаго, болѣе сознательнаго отношенія къ дѣламъ вѣры и религіи, и на самыя обычныя, неизбежныя въ жизни каждаго человѣка, промахи, недосмотры, ошибки, обращено зоркое вниманіе и нерѣдко таковыя служатъ поводомъ не только къ осужденію пастыря, но что самое главное къ обличенію—униженію вѣры Православной,—Церкви Христовой, вотъ почему мы сказали, что должно быть пастырю болѣе осторожнымъ и внимательнымъ къ себѣ.

Самымъ главнымъ, важнымъ и дѣйственнымъ средствомъ воспламененія, насажденія и укрѣпленія вѣры служить, конечно, богослуженіе. Но какъ ни величественно, художественно-красиво и совершенно и по внѣшнему и внутреннему своему содержанію наше православное богослуженіе, тѣмъ не менѣе воздѣйствіе его на предстоящихъ, весьма много зависитъ отъ служителей-совершителей его.

— „Какой это священникъ! говорилъ съ упрекомъ о своемъ настоятелѣ дьячекъ Иларіонъ, въ послѣднемъ произведеніи Горькаго „Исповѣдь“. — Онъ не попъ, а барабанъ, по которому нужда и привычка палками бьютъ. Былъ бы

я попомъ, и бы такъ служилъ, что не только люди, — свѣтыя иконы плакали бы (Слово № 146, 1908 г.).

А развѣ мало такихъ священниковъ, во время служенія которыхъ, на глазахъ предстоящихъ прихожанъ навѣртываются и каплютъ слезы, что, я думаю, и всякій пастырь церкви видѣлъ и замѣчалъ, когда онъ, или служилъ съ особеннымъ воодушевленіемъ и благоговѣніемъ, или когда говорилъ трогательное прочувствованное поученіе. А сколько слезъ прольется во время благоговѣйнаго и умиительнаго чтенія съ колѣнопреклоненіемъ положенныхъ молитвъ о дождѣ при весеннемъ хожденіи съ крестнымъ ходомъ по полямъ? Сколько самыхъ искреннихъ, сердечныхъ благодарностей выльются изъ глубины души у пасомыхъ тому пастырю, который во все продолжительное время хожденія по полямъ, раздѣляя трудъ съ своими пасомыми, слѣдуетъ пѣшкомъ, не соглашаясь, даже по предложенію самихъ прихожанъ, при продолжительныхъ переходахъ, воспользоваться отдыхомъ, — сѣсть на всегда слѣдующую за крестнымъ ходомъ, общественную подводу! Да и что говорить, вѣдомо всякому пастырю церкви, какое неотразимое воздѣйствіе и вліяніе производитъ на душу и сердце, на развитіе, удовлетвореніе и поддержаніе религіознаго чувства, на насажденіе, развитіе и укрѣпленіе вѣры у пасомыхъ умиительное, трогательное, благоговѣйное, истовое совершеніе богослуженія! Къ этому нужно присоединить въ настоящее время усиленное проповѣданіе слова Божія, разъясненіе и объясненіе вѣро-и-нраво-ученія и особенно богослуженія, касаясь и выясняя по временамъ тѣ кощунственныя мысли, кои смущаютъ умы и души вѣрующихъ.

Здѣсь слѣдуетъ, хотя мимоходомъ, коснуться живого слова, о которомъ усиленно заговорили въ послѣднее время періодическая духовная и свѣтская пресса. Оно (живое слово) дѣйствительно и имѣетъ силу только тогда, когда исходитъ

отъ любящаго сердца, изъ глубины пламенно вѣрующей души, изъ непреодолимаго желанія принести слушателямъ пользу и при томъ отъ авторитетнаго лица, обладающаго духовною властью и обаятельною силою надъ своими слушателями, тогда дѣйствительно изъ устъ такого проповѣдника исходить божественный огонь, который жжетъ сердца слушателей. Не меньшее воздѣйствіе производитъ на слушателей и произносимое съ такимъ же чувствомъ и желаніемъ свое ли, или чужое, но продуманное, прочувствованное поученіе по тетрадкѣ или книжкѣ, разница получается небольшая, все и всецѣло зависитъ отъ оратора. Но если живое слово исходить изъ другихъ источниковъ, не искреннихъ побужденій, равно какъ и произносимое поученіе по книжкѣ или тетради, для отбытія повинности, то само собою разумѣется ни то, ни другое, не имѣетъ силы. Намъ не разъ приходилось краснѣть за оратора или провизатора, даже съ магистерскимъ значкомъ, который попусту бьетъ воздухъ словами, — балагурить, — то и дѣло уклоняется въ сторону, дѣлаетъ рѣзкіе скачки отъ одной мысли къ другой, и оставить каеэдру, не объяснивъ, не доказавъ ни одной мысли, и получается у такого оратора карриатура, пародія; потути на живое слово.

Если такіе инциденты нерѣдко случаются и съ заправскимъ, обладающимъ извѣстнымъ ораторскимъ талантомъ, проповѣдникомъ, то что же сказать о простомъ смертномъ? Нѣкоторые изъ послѣднихъ одержимы маніей импровизаціи и смотрятъ на живое слово слишкомъ легкомысленно, — какъ на нѣчто самое простое обыденное, не требующее ни труда, ни подготовки. — „Вышелъ да и говори“ поучаютъ другихъ таковыя импровизаторы. И дѣйствительно говорятъ, но что? объ этомъ лучше умолчать. У иныхъ таковыхъ это обращается въ привычку и, несмотря на то, что имъ въ слухъ говорятъ „молчи и претани“, не унимаются, извѣст-

но вѣдь, что есть по природѣ балагуры и болтуны. Нѣтъ живое слово, помимо обстоятельнаго, всесторонняго знанія о предметѣ, о которомъ намѣревается говорить ораторъ, для чего конечно требуется подготовка, усиленная работа, продолжительный трудъ, гораздо даже болѣшій, чѣмъ при писаніи поученія, самообладанія, изученіе сердець и душъ слушателей и проч. и проч., нуждается въ дарованіи свыше, въ помазаніи, благодати Божіей. Это вѣдь не ораторская застольная рѣчь, или съ трибуны, или на судѣ, нѣтъ, поученіе, проповѣдь, слово съ церковной кафедры есть нѣчто высшее, — святое. Потому нашъ совѣтъ, не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться живымъ словомъ и безъ обстоятельной подготовки къ нему не приступать, ужъ если кто имѣетъ влеченіе къ импровизаціи, тотъ пусть пробуетъ свои силы, пріобрѣтаетъ навыкъ при собесѣдованіяхъ, при изложеніи вѣро и правоученій, объясненіи богослуженія. Ознакомиться обстоятельно съ тѣмъ отдѣломъ, или предметомъ, о которомъ намѣревается вести бесѣду, и говорить. И въ данномъ случаѣ дѣйствительно гораздо лучше говорить безъ тетради, или книжки, потому что, чтобы запомнили и лучше усвоили слушатели, приходится не одинъ разъ повторять то или другое объясненіе. А затѣмъ ужъ совершенно освоившись, пріобрѣтя навыкъ, самообладаніе при изустныхъ бесѣдахъ, возможно понемногу перейти къ живому слову и за Божественной литургіей, но при этомъ снова повторяемъ, никогда не должно забывать о томъ, что прежде чѣмъ выступать съ живымъ словомъ необходимо всесторонне обдумать, обслѣдовать предметъ, о которомъ будетъ идти рѣчь, т. е. опять слѣдуетъ усиленно работать и трудиться, и самое главное молиться, просить помощи Божіей.

Но не одно истовое благоговѣйное совершеніе богослуженія, съ наученіемъ, изъясненіемъ и поученіями, имѣетъ неотразимое воздѣйствіе на развитое удовлетвореніе ре-

лигіознаго чувства, укрѣпленіе вѣры, мы ужь выше указали какое дѣйствіе имѣетъ въ данномъ отношеніи хожденіе по полямъ, тоже должно сказать и о совершеніи таинствъ, служенія молебновъ, большихъ панихидъ, погребеній и проч.

Два года тому назадъ, въ самый разгаръ освободительнаго движенія, въ одну, изъ ближайшихъ къ мѣсту нашего служенія, слободу поступилъ молодой, энергичный, дѣятельный пастырь церкви и со всѣмъ жаромъ юный, чистый, непорочный своей души приступилъ онъ къ отправленію своего пастырскаго служенія. Богослуженіе онъ совершалъ всегда истово благоговѣнно, сопровождая его всякій разъ продуманнымъ, прочувствованнымъ поученіемъ, равно какъ и другія службы, требы, таинства, какъ напр. крещеніе, елеосвященіе, совершалъ по чиноположенію безъ пропусковъ, благоговѣнно, изъясняя ихъ сущность и преподавая при этомъ соотвѣтствующее наставленіе, ко всему и всѣмъ относился внимательно и серьезно. И вотъ какой отзывъ намъ пришлось слышать о немъ отъ его прихожанъ.

Должно замѣтить, что прежде чѣмъ приступалъ его прихожанинъ къ разсказу о немъ — своемъ батюшкѣ, осѣнялъ себя крестнымъ знаменемъ и затѣмъ ужь говорилъ. — „Благодареніе Господу Богу, что послалъ намъ Господь настоящаго пастыря, дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать и служить у насъ.

Теперь только мы познали, что такое служба, что такое и какъ совершаются таинства: крещеніе, соборованіе“ и проч., и проч. въ этомъ родѣ.

Такимъ образомъ надлежащее исполненіе своихъ пастырскихъ обязанностей не только имѣетъ огромное, но и важнѣйшіе значеніе въ дѣлахъ вѣры для пасомыхъ, но имъ обусловливается и пріобрѣтается любовь, общая симпатія своихъ прихожанъ-пасомыхъ, чрезъ что, конечно, возвышается престижъ авторитетъ пастыря церкви, создается ему

ореолъ славы. А симпатія, любовь, авторитетъ, это такая твердая, о которую не одно копые сломается, не одна и современная бомба отскочить, не причинивъ вреда. Нестрашны такому пастырю церкви никакія грозы, бури и непогоды, не боится онъ, что волкъ расхититъ и распудитъ овцы, ибо овцы гласъ его слушаютъ и своя овцы онъ глашаетъ по имени. Чуть завидятъ, запримѣтятъ его овцы волка, какъ бѣгутъ къ своему пастырю и спѣшатъ сообщить ему о грозящей имъ опасности. Что видели, что услышали, расскажутъ ему все безъ утайки, и спросятъ его совѣта, его объясненія и уйдутъ отъ него удовлетворенными, успокоенными, умиротворенными.

Жаль только, что таковой пастырь церкви рѣдко, прерѣдко остается цѣльнымъ, невредимымъ, подъ градомъ пуль, копій и мечей, посылаемыхъ и бросаемыхъ въ него со стороны его недруговъ и враговъ, которые строятъ ему козни, разставляютъ ему хитро сплетенныя сѣти, чтобы уловить такого „безпокойнаго“ батюшку въ словѣ или дѣлѣ и опозорить его предъ его Начальствомъ. Но благо тому пастырю церкви, который подъ градомъ бурь и невзгодъ не угащаетъ духа, а укрѣпляется, закаляется, становится болѣе твердымъ, сильнымъ, непреклоннымъ и возвышенно-чистымъ. И благо тому пастырю церкви, котораго тина, грязь житейская не засасываетъ, не уродуетъ, не калѣчитъ, не сдѣлаетъ изъ него человѣка съ покладистой совѣстью, съ подлинными, унижающими вообще достоинство человѣка, заискиваніями, ухаживаніями предъ сильными міра сего.

Благо тому пастырю церкви, который всегда помнить и черпаетъ силу въ словахъ Спасителя ко апостоламъ: „Азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавижу васъ міръ (Іоан. 15 г. 19 с.), блажени есте, егда поносятъ вамъ и ижденутъ и рекутъ всякъ золь глаголь на вы луже, Мене

ради: радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ, тако бо изгнаша пророки, иже (бѣша) прежде васъ“ (Мат. 5, 11—12 с.).

Священникъ *Григорій Лебедевъ*.

Духовенство и высшая школа.

Въ памятные всѣ намъ прошлые (съ 1905) годы, когда начали переоцѣниваться всякія цѣнности безъ всякаго разбора, когда все какъ будто нетерпѣливо задвигалось и, слѣдуя модѣ, выражало недовольство окружающимъ настоящимъ (отъ этого недовольства, конечно, человѣкъ на землѣ всецѣло не освободится никогда), то и часть духовенства не отстала отъ общаго, охватившаго многихъ, настроенія и оказалось въ данномъ случаѣ, въ отношеніи увлеченія, съ вѣкомъ наравнѣ. Извѣстное философское выраженіе: „Я человѣкъ есмь и ничто человѣческое мнѣ не чуждо“ оправдалось въ этотъ разъ и на носителяхъ священнаго сана, свыше надѣленныхъ, такъ сказать, особыми благодатными полномочіями. Нѣкоторые изъ священно-служителей (о псаломщикахъ, людяхъ почти свѣтскихъ, уже не будемъ упоминать) поспѣшили сбросить съ себя надобвшія рясы, а то и прямо въ нихъ (последнее теперь, впрочемъ, запрещено), остричься и двинулись въ широко открытые тогда для всѣхъ, окончившихъ среднюю школу, высшіе храмы науки—университеты. Высшая церковная власть, идя навстрѣчу охватившему духовенство желанію продолжать образованіе, дозволила принимать *женатыхъ* священниковъ (а не только вдовыхъ, какъ было раньше) изъ студентовъ Семинарій въ духовныя Академіи. Нѣкоторые на время оставляли свои семьи или забирали съ собою и кинулись туда. Но оказанная льгота на практикѣ признана была неудобной и доступъ въ академіи женатымъ теперь снова возбраненъ. Были, какъ извѣстно,

жалобы оставленныхъ семействъ на покидавшихъ, хотя и временно, и не обезпечившихъ ихъ отцовъ, священниковъ-студентовъ, на совершеніе послѣдними, матеріально нуждающимися, службы и требоисправленій въ иноепархіальныхъ городахъ безъ надлежащаго разрѣшенія и проч. Но, несмотря на всѣ эти снисходительныя мѣры, духовная академія была доступна для малыхъ, избранныхъ: чтобы попасть туда, нужно быть студентомъ Семинаріи и побѣдить конкурсъ. Оставались высшія свѣтскія учебныя заведенія. Люди, въ юности объ нихъ мечтавшіе и почему-либо туда не попавшіе, — или не было средствъ или, чаще, мѣшала злополучный второй разрядъ, — направлялись въ университеты.

Теперь средства, хотя и небольшія, были прибрѣтены, а бракованный разрядъ потерялъ значеніе. И подѣлались пожилые люди, бывшіе священнослужители, студентами, зажили новою свѣтскою жизнью, начали ходить на лекціи и въ театры, спорить и волноваться. Но было уже не то. Въ этомъ случаѣ кстати припомнить слова поэта: „Догоню, впрочемъ мою молодость, ... но, увы! нѣтъ дорогъ къ невозвратному, никогда не взойдетъ солнце съ запада“!

Юные студенты жили, кипѣли и горячились потому, что у нихъ и кровь еще бурлила и юная душа рвалась наружу, кидалась всѣмъ въ объятія, за все ратовала, за многихъ страдала, молодые силы искали работы, избытокъ энергіи жаждалъ сопротивленія. А пожилые люди держались особнячкомъ, скромно обитали гдѣ-нибудь въ уединенныхъ комнатахъ, аккуратно ходили на лекціи, учились, вспоминали о семьяхъ, о родной, привычной обстановкѣ, о покинутыхъ Ивановкахъ и Степановкахъ...

Желторотые юнцы, безразсудная, грѣшная студенческая молодежь на все смотрѣла розовымъ непрактичнымъ взглядомъ, ничѣмъ не дорожила, прожигала силы, насколько могла, наслаждаясь, по свѣтскому модному выраженію, шум-

ныиъ пиромъ и враздникомъ жизни большихъ центральныхъ городовъ и столицъ, увлекалась и женилась, ссорилась и разошлась, а люди пожилые понемногу скучали, разочаровывались и сожалѣли...

У первыхъ двѣ трети жизни были впереди, а у этихъ послѣднихъ добрая ея половина или уже двѣ трети назади. Не ученье, конечно, продолжалось и курсъ оканчивался.

Въ настоящее время я знаю двухъ человекъ, бывшихъ священнослужителей, потомъ студентовъ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній и недавно ихъ окончившихъ. Одинъ изъ священниковъ, другой изъ діаконовъ, съ семьями тотъ и другой. Первый уже около года служить въ одномъ учрежденіи и получаетъ рублей 30 въ мѣсяць, а второй, въ ожиданіи будущихъ благъ, кажется, и вовсе ничего не получаетъ. Одинъ изъ нихъ зимой донашиваетъ прежнюю шубу, а другой шапку, понятно, уже не отличающіяся новизной...

Встрѣчая этихъ людей, я всегда невольно задавался мыслью: насколько наши мечты, не зная предѣловъ, жестоко насъ обманываютъ, а суровая дѣйствительность слишкомъ неумолима и беспощадна. Пройдутъ еще года, пока упомянутыя лица добьются степеней извѣстныхъ (и добьются ли еще—это вопросъ), имъ будетъ если не на пятый десятокъ, то уже около четырехъ; жизнь почти вся прожита въ мечтахъ и надеждахъ, а насладиться хотя матеріальными добытыми благами почти не остается времени или слишкомъ его мало сравнительно съ затраченными силой и энергіей. А прежнихъ расчетовъ, очарованья жизнью при добытомъ дипломѣ высшаго учебнаго заведенія, какъ не бывало!

Недавно я встрѣчалъ одного студента свѣтскаго спеціального высшаго учебнаго заведенія, своего бывшего товарища по семинаріи. Онъ былъ уволенъ изъ 3 класса семинаріи, служилъ конторщикомъ, затѣмъ выдержалъ, будучи лѣтъ 30 слишкомъ, экстерномъ испытаніе за полный курсъ

средняго свѣтскаго учебнаго заведенія и поѣхалъ учиться дальше.

„Дорого бы я отдалъ“, говорилъ онъ мнѣ однажды, „за упущенное на службѣ время юности. Сейчас бы, пожалуй, пожертвовалъ своими правами и студенчествомъ, только бы возвратиться ко дню увольненія изъ семинаріи и пробыть тамъ, сколько еще надлежало, года 3—4, провести ихъ по-юношески, по-ученически, за книгами, за уроками, за ошибками, за горячими и незлобными ссорами, спорами и молодыми заблужденіями; пришлось же потратить этотъ цвѣтущій періодъ жизни на переписку безсмысленныхъ цифръ, вѣдомостей, при постоянныхъ замѣчаніяхъ завѣдующихъ столами. Особенно я тоскую по прерванной жизни въ кругу товарищей, по малороссійскимъ пѣснямъ иногда послѣ ужина, по вечерамъ, въ саду общежитія, послѣ никакія студенческія сходки и землячества, никакія столичные театральныя сцены съ первоклассными артистами не могли изгладить и заглушить во мнѣ этихъ по-истинѣ дивныхъ впечатлѣній молодости. Мы теперь—студенты, а гдѣ наша юность, гдѣ наша свѣжесть?“ добавлялъ онъ. И хочется сказать со всѣми такими людьми, что хорошо все въ пору да и во время и подтвердить справедливость словъ поэта: „Мечты, мечты! Гдѣ ваша сладость“?

Молодежь, какъ извѣстно, стремится въ университеты и другія высшія учебныя заведенія съ цѣлью пополнить и закончить образованіе, отчасти удовлетворить жажду знанія (чего, впрочемъ, здѣсь, на землѣ, исполнѣ никогда нельзя достигнуть), добиться диплома для болѣе или менѣе видной и успѣшной карьеры, пожить, вырвавшись изъ подъ бдительной опеки средне-школьнаго режима, вольною, не знающею никакого удержа, молодою студенческою жизнью, насытить всѣ свои и дозволенные, и незаконныя прихоти и желанія. Для людей пожилыхъ, уже семейныхъ бывшихъ

священнослужителей, первое стремление — получить высшее образование — еще можно кое-как оправдать, а мечтать о карьере и начинать снова людям, уже наполовину ее сделавшим, не совсем практично, участвовать же в студенческих шутках, наслаждаться чадом и похмельем безумного веселья молодости и юных увлечений во всех отношениях неблагоприятно.

При сильном желаніи и любознательности, разумеется, только ради знания, а не диплома, науками всегда можно заняться, но окончаніи семинари, въ какомъ угодно положеніи при домашней обстановкѣ, застисъ съ избыткомъ учебниками и научными пособиями и достигнуть желаемого. Теперь есть всевозможные указатели для систематическаго и средняго, и высшаго самообразованія, стоитъ все это сравнительно недорого, а вѣдь отъ профессорскихъ лекцій безъ домашнихъ занятій и подготовокъ остается тоже очень мало.

При всемъ этомъ, конечно, никогда не слѣдуетъ забывать слова Апостола: „Никто же себе да прельщаетъ: аще кто мнитъ мудръ быти въ всѣ... Премудрость бо міра сего, буйство у Бога есть“... (1 пос. Коринѣ., 3 гл. 18—19 ст.).

Алексій Тимофеевъ Кутузовъ.

ОХРАНА ЦЕРКВЕЙ.

Ограбленіе церквей въ послѣднее время стало настолько обычнымъ явленіемъ, что перестаетъ обращать на себя особенное вниманіе. И это потому, что въ данное неспокойное время этимъ ограбленіямъ придаютъ характеръ политическихъ экспроприаций, съ которыми трудно бороться. Между тѣмъ разслѣдованіе на мѣстѣ такого рода преступленій даетъ картину совсѣмъ не политическаго свойства; ограбленіе церквей не перестаетъ быть все тѣмъ же уголовнымъ преступленіемъ безъ всякой прикосн. политики.

Дѣло объясняется очень просто: церкви грабятъ потому, что онѣ не охраняются надлежащимъ образомъ.

Въ самомъ дѣлѣ: можно ли назвать охраной церкви настоящихъ сторожей—лицъ преклоннаго возраста, страдающихъ слѣпотою, глухотою и другими физическими недостатками. Какое сопротивленіе можетъ оказать отчаяннымъ грабителямъ такая стража.

Вотъ почему при разслѣдованіи дѣлъ такого рода приходится слышать отъ сторожей, что они спали, ничего не видѣли, ничего не слышали.

Организация церковной стражи такова, что надѣяться на прекращеніе ограбленій церковью очень трудно.

Въ лучшемъ смыслѣ такую стражею являются лица хотя и престарѣлыя, но неспособныя сами на преступленіе; въ другихъ случаяхъ къ церкви приставляется неблагонадежный элементъ деревни и искать начало преступленія приходится въ самихъ сторожахъ.

Дѣло назначенія сторожей происходитъ такъ: сельскій сходъ за такъ называемый „отбутокъ“ или въ очередь безъ платы выбираетъ должностныхъ лицъ: сельскаго старосту, сборщика податей, сотскихъ, десятскихъ и въ томъ числѣ и церковныхъ сторожей, при чемъ эти выборы сопровождаются могорычами; одни ставятъ „могорычъ“ съ тѣмъ чтобы ихъ выбрали, напр., на должность сельскаго старосты, другіе, чтобы ихъ не избирали; къ послѣднимъ относятся кандидаты въ церковные сторожа.

Что бы получить побольше могорычей, мѣръ вначалѣ указываетъ на богатыхъ людей; тѣ откупаются водкой и въ концѣ концовъ эти бесплатныя должности навязываютъ тѣмъ, кто или не въ состояніи откупиться могорычемъ или по упрямству не желаетъ пить мѣръ. Избранный—волей-неволей соглашается, но выговариваетъ себѣ право, нанять за себя

другого. По личному усмотрѣнію и нанимаетъ за себя лицо, не всегда благонадежное.

Существуетъ еще такой порядокъ: сходъ одновременно указываетъ четырехъ кандидатовъ въ церковные сторожа, съ тѣмъ, чтобы они отбывали свою должность поочереды по четвертямъ года: эти кандидаты нанимаютъ за себя четырехъ замѣстителей, которые смѣняютъ одинъ другого каждую четверть года. Такимъ образомъ каждую четверть года въ должности церковныхъ сторожей являются новыя лица, нерѣдко съ запятанною репутаціей, а въ нѣсколько лѣтъ церковь, всѣ ея запоры и секретныя мѣста основательно изучаются худшимъ элементомъ села.

При разслѣдованіи одного ограбленія оказалось, что въ сентябрѣ по счету былъ уже пятый сторожъ и кража случилась при сторожахъ, изъ коихъ одинъ былъ неоднократно замѣченъ на селѣ въ воровствѣ.

При такой постановкѣ дѣла приходится удивляться не тому, что такъ часты кражи въ церквахъ, а тому, что нѣкоторыя изъ нихъ не посѣщены преступниками!

Ихъ хранить Самъ Богъ и только Богъ!

Помнится—лѣтъ пятнадцать назадъ—начальникомъ нашей губерніи былъ изданъ приказъ, чтобы для охраны церквей ночью высылалось до 10 человекъ стражи изъ сельскихъ обывателей.

Но опытъ оказался неудачнымъ; много нужно было усилій, чтобы побудить сельскую власть высылать ежедневно такой нарядъ стражи, но если гдѣ и удавалось настоять на исполненіи этого приказа, то скоро приходилось и разочароваться въ самой стражѣ: это была молодежь-парни: они располагались въ сторожкѣ, пѣли пѣсни, играли въ карты, пили водку и заводили такія безчинства, что оставалось просить ту же власть объ освобожденіи церкви отъ такой безчинствующей стражи.

И не странно-ли покажется: вазасные, хлѣбные магазины охраняются молодыми, сильными людьми; винныя лавки оберегаются вооруженною стражею, а при участвовавшихъ ограбленіяхъ винныхъ лавокъ въ послѣдніе годы, онѣ, по приказу своего начальства, охраняются усиленными кардонами стражниковъ; лишь Божій храмъ — дорогая народная святыня — безъ охраны и если охраняется, то лицами, коимъ умѣстнѣе было бы быть въ богадѣльнѣ или въ тюремномъ замкѣ.

И это потому, что за охрану хлѣбныхъ магазиновъ, за постановку стражи къ виннымъ лавкамъ сельское начальство отвѣтственно предъ гражданскою властію, которое въ свою очередь, въ силу закона, не попускаетъ никакихъ правонарушеній, а за охрану церкви отвѣчаетъ одинъ священникъ безъ всякихъ правъ настоять на выполненіи своихъ требованій.

И какъ-бы ни былъ вліятеленъ онъ въ храмѣ, какъ-бы ни дорожили его словомъ съ каедры, но въ міру, гдѣ главенствуетъ буйная зеленая толпа, — тамъ онъ не имѣетъ надлежащей силы. Когда онъ говоритъ „на міру“, его, по видимому, слушаютъ, съ нимъ соглашаются; ушелъ — слово его забыто и все идетъ по старому.

Епархіальное Начальство во всѣхъ случаяхъ ограбленія церкви предписываетъ духовенству усилить стражу. Священникъ объявляетъ объ этомъ сельскому сходу, выясняетъ, убѣждаетъ держать усиленную стражу; усиливаютъ стражу; но проходитъ двѣ три недѣли, „усиленіе“ исчезаетъ и все по старому... и вновь кража.

Охрана церквей — весьма важный вопросъ и нужно желать, чтобы онъ былъ разрѣшенъ законодательнымъ путемъ, путемъ изданія закона, обязующаго приходъ надлежащимъ образомъ охранять церковь, какъ достоиніе Божіе.

Необходимо узаконенное требованіе, чтобы сторожа были

не старше 50 лѣтъ; лишь сильные, безъ физическихъ недостатковъ, доброй нравственности, чтобы они служили не за „отбutoкъ“, а по найму; они непременно должны быть вооруженными; чтобы ихъ было не менѣе двойхъ днемъ и не менѣе троихъ ночью, чтобы каждую ночь эта стража провѣрялась лицами, особо на то поставленными, или церковнымъ старостою, чтобы ключи отъ церкви доставлялись на ночь въ домъ священника церковнымъ старостою по свидѣтельству всѣхъ запоровъ и, наконецъ, чтобы вся отвѣтственность за нарушеніе правилъ объ охранѣ церкви возлагалась на сельскую власть.

Священникъ *Павелъ Поповъ*.

ЗАСЛУЖЕННАЯ НАГРАДА ЗА ТРЕЗВОСТЬ.

Назидательнымъ примѣромъ должной награды за трезвость, можетъ для насъ, православныхъ русскихъ людей, послужить одно древнѣйшее племя степной Аравіи, о которомъ упоминается въ Св. Библии.

Въ книгѣ Св. пророка Іереміи говорится (Іерем. 35 гл. ст. 2—19) объ Аравійскомъ племени Рехавитовъ, которое, за неизмѣнное соблюденіе завѣта своего предка Іонадава, указано пророкомъ Іереміею, какъ примѣръ для подражанія народу Израильскому, и которому, за вѣрность наставленіямъ родительскимъ, ниспослано особенное благословеніе Божіе.

Изложимъ это глубоко-назидательное сказаніе 35-й главы книги Св. пророка Іереміи съ нѣкоторою подробностью и разъясненіемъ.

Было слово Господне къ пророку Іереміи, во дни Іоакима, сына Юсінна, царя Іудина: „Иди въ домъ Рехавитовъ и поговори съ ними и проводи ихъ въ домъ Господень, въ одну изъ комнатъ, и дай имъ пить вина“. Пророкъ такъ и

сдѣлать. Приведши Рехавитовъ въ указанное отъ Господа мѣсто, поставилъ предъ ними полныя чаши вина и стаканы и сказалъ имъ: „пейте вино!“ Но они сказали: „мы вина не пьемъ“, потому что Ионадавъ, сынъ Рехавы, отецъ нашъ, далъ намъ заповѣдь, сказавъ: „не пейте вина ни вы, ни дѣти ваши во вѣки“. И вотъ мы послушались голоса отца нашего во всемъ, что онъ заповѣдалъ намъ, чтобы не пить вина все дни наши.

Далѣе, послѣ этого (35 гл. 13 ст.) было снова слово Господа къ Іереміи: „иди и скажи мужамъ Іуды и жителямъ Іерусалима: неужели вы не возьмете изъ сего вразумленія для себя, чтобы послушать словъ Моихъ, говорить Господь. Слова Ионадава, сына Рехавова, который заповѣдалъ сыновьямъ своимъ не пить вина, выполняются, и они не пьютъ вина до сего дня, потому что хранятъ завѣщанія отца своего; а Я непрестанно говорилъ вамъ, говорилъ съ ранняго утра, посылалъ пророковъ къ вамъ, и вы не послушались Меня“. Поэтому (17 стихъ), такъ говоритъ Господь: вотъ Я наведу на Іудею и на всѣхъ жителей Іерусалима все то зло, которое Я изрекъ на нихъ, за то, что Я говорилъ имъ, они не послушали, призывалъ ихъ, они не отвѣчали. А дому Рехавитовъ сказалъ Іеремія: „такъ говоритъ Господь Саваоѣ, Богъ Израилевъ, за то, что вы послушались завѣщанія Ионадава, отца вашего, и храните все заповѣди его, и во всемъ поступаете, какъ онъ завѣщалъ вамъ,—за это не отнимется у Ионадава, сына Рехавова, мукъ, предстоящій предъ лицомъ Моимъ во все дни“ (18—19 ст.).

Въ поясненіе этихъ словъ пророческой книги отъ себя присовокупимъ слѣдующее: отъ времени Ионадава до пророка Іереміи прошло 300 лѣтъ, слѣдовательно, столько лѣтъ Рехавиты хранили завѣтъ отца своего.

Отъ пророка Іереміи до нашего времени прошло болѣе 2510 лѣтъ. Съ того времени, какъ Евреи разсѣяны по все-

му лицу земли, прошло болѣе 1800 лѣтъ. А племя Рехавитовъ доселѣ цѣло, находится оно въ степяхъ Аравіи; оно хранить донынѣ завѣтъ отца своего ненарушимымъ. Рехавиты и теперь не пьютъ вина.

Много народовъ съ того времени исчезло съ лица земли, разныя царства возникали и исчезали, а племя Рехавитовъ, за храненіе заповѣди отца, хранить Божіе благословеніе, среди превратностей земли, цѣлымъ, невредимымъ и счастливымъ.

Священникъ *Стефанъ Мясищевъ*.

ПОПРАВКА.

Въ № 21 Ворон. Епарх. Вѣд. въ ст. „Недѣля въ Петербургѣ“ на стр. 628, 25 строка сверху вкралась ошибка, измѣняющая смыслъ фразы: вмѣсто словъ — „посягать на неотъемлемое право Думы“, слѣдуетъ читать — „посягать на неотъемлемое право Церкви“.

П. Н—кий.

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Краткій обзоръ жизни, дѣятельности и поведенія пастырей церкви въ годы „освободительнаго движенія“ и современные требованія къ нимъ для возрожденія и укрѣпленія Православной вѣры въ народъ.—Священника *Григорія Лебедева*.
Духовенство и высшая школа.—*Алексѣя Тимофеевича Кутузова*.
Охрана церквей.—Священника *Павла Попова*.
Заслуженная награда за трезвость.—Свящ. *Стефана Мясищева*.
Поправка.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ*.